

Катерина Мурашова
Ресурсы
Про бабу Дусю, четырех ее мужей,
козу, баян и Индиру Ганди

В то лето мы пололи турнепс в комсомольско-молодежном лагере. Мне было 14. Я зачитывалась книжками братьев Стругацких (их выдавали только в читальном зале), планировала посвятить свою жизнь служению Большой Науке, и как-то странно у меня умещалось в голове: в Париж я попасть даже не надеялась (железный занавес советских времен!), а вот на посещение в будущем Пояса астероидов рассчитывала вполне серьезно...

Половое развитие у меня, как у представителя северной расы, было довольно замедленным, и бесконечные гендерные микросхватки, которые так увлекали большую часть моих одноклассников и одноклассниц в свободное от прополки турнепса время, были мне совершенно неинтересны. Я в одиночестве гуляла по деревне, где, собственно, и располагался наш лагерь, и думала о космических кораблях, которые вот-вот забороздят просторы Вселенной, и о своем месте (несомненно, важном! — я хотела стать астробиологом) в этом увлекательном процессе. Нельзя сказать, что в моем будущем мире совсем не было места для любви. Напротив, уже тогда я прекрасно представляла себе идеал: он был человеком глубокого и изощренного ума и рука об руку со мной постигал тайны природы на опасных, но завораживающе прекрасных дорогах далекого космоса.

В тот день над деревней с утра наревелись тучи, и улицы стали практически непролазны. Я медленно, скользя сапогами, пробиралась вдоль забора одной из усадеб. На потемневшей скамейке возле стены большого, слегка присевшего на один бок дома, отдыхая, сидела небольшая старушка. Я острым подростковым взглядом охватила белый платочек, синие тренировочные штаны с пузырями на тощих коленях, глубокие калоши и телогрейку такого вида, будто ее недавно рвали собаки. У ног старушки переминался лапами и дрожал хвостом тощий рыжий котяра с одним ухом — явный ветеран кошачьих боев. Снова начинался дождь, но старушка его как будто не замечала — наклонилась, рассеянно погладила кота.

Ужасная, сладко-эгоистичная, бескорыстная жалость к незнакомой старушке волной затопила все мое существо — ведь у нее уже все позади, она одинока и скоро умрет, ее жизнь наверняка была тяжела и бедна событиями, и она уже никогда-никогда не увидит Пояса астероидов, не откроет ни одной тайны природы и не будет рука об руку с возлюбленным бороздить просторы Вселенной...

Тем временем старушка, держась за поясницу, поднялась, схватилась за

какое-то бревнышко и с трудом поволокла его по грязи. В семье и школе меня учили помогать старшим.

— Бабушка, позвольте вам помочь? — вежливо осведомилась я через низкий штакетник.

Старушка удивленно взглянула на меня, задумалась, а потом кивнула:

— Что ж. Подсоби, доченька, бабке, коли время есть. Зaborчик у меня на заднем дворе завалился, вот хочу покамест подпереть, чтоб козы от Матвеихи в огород не лазали.

После починки заборчика меня повели в дом пить чай. Я не очень сопротивлялась — погода окончательно испортилась. К чаю были сушки. Старушка размачивала их в кипятке, мак медленно оседал на дно стакана.

— Меня зовут Катя, — представилась я.

— Катерина. Хорошее имя. А я Дуся.

— Простите... Евдокия... а как дальше?

— Да зови бабкой Дусей, — как все.

Разговаривать с бабой Дусей оказалось неожиданно легко. Мы обсудили шкодливых коз Матвеихи, мои школьные успехи, мою семью. Я узнала, что двое давно выросших детей бабы Дуси с внуками живут в Ленинграде...

— А чего ж ты одна-то гуляешь? Не со своими? Ухажер-то у тебя есть? Или поссорились?

Я призналась, что ухажера у меня нет и никогда не было.

— Надо же, а такая видная девка! — удивилась баба Дуся. — Небось, гонору в тебе много?

Я, подумав, согласилась и, воспользовавшись случаем, осторожно поинтересовалась, что думает баба Дуся о сущности любви. Ведь раз у нее есть дети, она, наверное, была замужем? (Баба Дуся носила обручальное кольцо на левой руке — вдова.)

— Конечно, была. Четыре раза! — ухмыльнулась старушка. — И так хорошо замужем, доченька, скажу я тебе, — она зажмурилась, вспоминая, и морщинки ее собирались веселым прихотливым узором. — И я их всех любила, и они меня... Счастливый я человек, спасибо Господу, если он, конечно, там есть...

— Но как так может быть?! — вылупилась я.

Польщенная моим интересом, старушка окунула в чай еще одну сушку и рассказала про свою жизнь. Целиком воспроизвести ее прямую речь я, конечно, не смогу, поэтому перескажу своими словами. Историю бабы Дуси я помню уже больше тридцати лет.

Первый раз замужем юная Дуся пробыла недолго. Мужа звали Федором, и если бы не карточка, она бы уж и лицо его позабыла. В 1940 году они поженились. Он был колхозным механизатором, с широкими плечами, любил кружить молодую жену на руках и умел, как девушка, плести венки. А что он говорил — этого бабка Дуся уже и не помнила. «Помню только марево золотое, как над лугом в летний день, и как он утром молоко прямо из крынки пьет. И — счастье, счастье, счастье...» Федора призвали на фронт в 41-м. А уже в 42-м пришла похоронка. «Не годился он для войны, — вспоминает баба Дуся. — Даже куренку шею свернуть — и то жалел...»

Почти до конца войны Дуся вдовствовала и с утра до ночи вместе со всеми работала на полях. В колхозе остались одни бабы, а воюющую армию нужно было кормить. Где-то зимой 45-го года Дуся с подружками без всякой определенной цели поехала в райцентровскую больницу на «аукцион инвалидов» (больничные власти раздавали по домам слегка подлеченных красноармейцев, не обратимо покалеченных войной). Вернулась домой со вторым мужем — Георгием, Жорой. У Жоры не было обеих ног, а лет ему было 27. «Возьми меня к себе, Дуся, надоело бревном на койке валяться, тоска гложет, — сказал Жора юной вдове. — Ты уже замужем была, все про мужиков знаешь, тебе сподручней, чем девице. Я вообще-то заводной, и на гармони, знаешь, как играть умею — заслушаешься. Пропала моя гармонь, пока по госпиталям без памяти валялся, но ничего — заработаем, другую купим».

С Георгием Дуся прожила без малого двадцать лет. Он и вправду был веселый, и по вечерам, окончив работу (работал он и с деревом, и железом — руки у него были умные, хорошие, только глаза быстро стали сдавать — последствия контузии), садился у дома на скамейку, ставил на колени баян. Девки и бабы (много, очень много одиноких было после войны!) слетались на душевые Жорины песни, как мотыльки на огонь.

«Слова мне хорошие говорил, — вспоминает баба Дуся. — Благодарил часто, что взяла к себе, не дала пропасть... А уж как я его любила! Ревновала страшно. Как девки плечами да боками прислоняются... А он всем подмигивает, да улыбается... Так бы и повыщапала глаза бесстыдие...»

Но пил Георгий безбожно. Напившись, буянил, разносил все в дому, колотил жену (до сих пор не могу понять, как Георгий мог бить Дусю — у него же не было ног, она всегда могла отойти!). Потом плакал, просил прощения. Она прощала: «Он все-таки калека был, к дому, к бабьей юбке прикован — тяжело ему...»

Жора умер от ран и пьянки, когда ему не исполнилось и сорока пяти. Дуся жутко горевала. «И сейчас иногда кажется — зовет меня, да голос веселый, куражный: Дусенька, что ты крутишься все, сядь ко мне, милая, споем. После него я уж ни с кем не пела...»

Ефима прислали в колхоз работать учетчиком и определили к вдове с детьми на постой. «Смурной он был, по целому дню слова не скажет, только с циферками своими и оживал немногого...» В отличие от Георгия Ефим совсем не пил. Молча починил в дому и на дворе все то, что нуждалось в починке. Потом помог сыну Дуси по математике. И только потом оказался в Дусиной постели. По сравнению с веселым, заводным Георгием он проигрывал — ласковым не был, нежных слов (да и никаких других) женщине не говорил. Однако Дуся (слегка подуставшая от двадцатилетнего «борения страстей») с Ефимом отдыхала — он был надежен, предсказуем в своих привычках, всегда спокоен, ровен с детьми и с женой. Понимал ценность образования: когда настало время, настоял на том, чтобы оба приемных сына окончили техникум. Сам регулярно брал книги в библиотеке, любил слушать радио, иногда по просьбе Дуси читал ей вслух. Мальчишки тоже слушали. Любимой Дусиной книжкой почему-то был «Оливер Твист» — она забыла название, но точно пересказала мне фабулу, и я легко узнала сентиментальную диккенсовскую повесть. По какому-то неведомому закону вечно молчаливый Ефим умер от рака голосовых связок. Долго никому ничего не говорил о своей болезни. Потом ему все-таки поставили диагноз, сделали операцию, но было уже поздно — пошли метастазы. «Сам себе кашку варил, — вспоминает Дуся. — Меня ничем обременять не хотел. До последнего дня. А как уже стал совсем помирать, написал на своей доске: «Прощай, Дуся, прости за все, если что не так было, или обидел тебя невзначай, прими мою вечную к тебе любовь...» Я плачу навзрыд: что ж ты раньше-то про любовь молчал?! А он отвечает: «Я молчал, потому что никаких слов не хватит сказать, как сильно я тебя любил все эти годы».

После смерти Ефима Дуся решила, что будет жить одна, с собакой Жуком и котом Васькой. Летом оженившиеся сыновья привозили из Ленинграда маленьких внуков — что еще надо? И когда, спустя лет пять, старая приятельница, перебравшаяся в город, «с прицелом» рассказала ей, что в соседнем колхозе остался после смерти жены неприсмотренный, из числа ее родственников, дедок, еще вполне крепкий, Дуся только махнула рукой: мне не надо! Забирайте его к себе, в город!

Однако родственники брать дедка в город не торопились. И однажды, как бы между прочим, завезли его в гости к Дусе, на центральную усадьбу. Как будто бы к врачу возили, рентген делать. «Вы тут поговорите пару часиков, чайку попейте, мы пока за справкой в райцентр съездим, да к своим знакомым, а потом деда заберем и назад отвезем. А вот вам и городской кекс с изюмом к чаю...»

Ни через два часа, ни к вечеру за дедком никто не приехал.

— Что ж, пора и честь знать, — сказал он, когда все стало окончательно ясно. — Спасибо тебе, Евдокия Васильевна, за приют, за чай. Пойду я.

Встал, оправил аккуратную одежду, поудобнее взял в руку клюку...

— Куда ж ты пойдешь-то?! — ахнула баба Дуся. — До твоей усадьбы 44 километра — вынь да положь!

— Чего ж, дойду понемногу, — дедок пожал узкими плечами. — Пройду да отдохну. Да еще пройду. К завтрему, к обеду, думаю, дома буду...

— Ну уж нет! — решительно воспротивилась женщина. — Чтоб я старого человека на ночь глядя из дома выгнала! Не будет этого. Ляжешь вот здесь, на диване. Сейчас я тебе, Степан Тимофеевич, постелю...

Наутро, когда баба Дуся проснулась (а встают деревенские всегда рано), Степан Тимофеевич уже встал и тихо шуршал чем-то в сараашке во дворе. В летней кухне на столе стоял стакан в почерневшем от времени подстаканнике с крепким чаем. «Как давно никто в этом доме не пил чай из стакана с подстаканником...» — удивилась баба Дуся.

Степан Тимофеевич оказался сильно неравнодушен к мировой политике (это Дусе было внове). Вечером, после ужина долго разъяснял ей причину войны между Ираном и Ираком, истоки происков «израильской военщины», положение негров в Южно-Африканской Республике. Даже заставил найти очки и прочесть какую-то статейку из старой газеты «Труд», которую Дуся использовала на растопку. «Интересно-то как, — подумала Дуся. — А я и не знала...»

Родственники приехали за Степаном Тимофеевичем в конце недели, долго и фальшиво извинялись за беспокойство, кивали на сломавшуюся машину. Старичок степенно поклонился бабе Дусе, поблагодарил за все и по деревянным мосткам пошаркал обрезанными валенками к воротам. У бабы Дуси на глаза навернулись слезы. Не только щедушный дедок с клюкой — весь приоткрывшийся ей большой мир с его проблемами покидал ее навсегда... Да еще и чай в подстаканнике, как пили все три предыдущих мужа и никто больше (сыновья и внуки пили чай из кружек)

«Да куда вы его увозите! — крикнула она. — Кто его там ждет-то? Пусть Степан Тимофеевич еще погостит! Оставайся, Степан!»

Степан, как и следовало ожидать, остался. Родственники прятали довольные ухмылки.

Вскоре Нельсон Мандела и Индира Ганди стали для бабы Дуси почти родными людьми — так она за них переживала. Степан Тимофеевич плохо ходил физически, но легко заполнял собой ментальное пространство — бабе Дусе было с ним интересно (этую характеристику нельзя было применить ни к одному из ее предыдущих замужеств). Спустя где-то год она как-то не выдержала и спросила: «Степан, а как ты тогда, в первый-то раз идти до дому собирался? С твоими-то ногами? Помер бы небось по дороге». Старичок

хитро улыбнулся: «Да нешто я тебя, Дусенька Васильевна, сразу не разгадал? У тебя ж сердце доброе! Не собирался я никуда идти — так, притворился для чувствительности».

Баба Дуся и Степан Тимофеевич прожили вместе пять лет. Потом старичок тихо угас на бабыдусиных руках, прошептав за пару дней до смерти: «Ты мне, Дусенька Васильевна, праздник напоследок жизни подарила». — «А ты — мне, а ты — мне, Степушка мой Тимофеевич», — капая на грудь мужа старческими слезами, отвечала растроганная баба Дуся.

Потом я попрощалась с бабой Дусей, и пока я шла вместе с дождем, слизывая со щек капли вперемешку со слезами, мое представление о счастье как-то тихо и незаметно менялось, а сама я так же незаметно взросла.